

Иван Христофорович ЗЕЛИЛОВ

В этом году мы отметили 70-летие выдающегося сухумчанина, спортсмена, известного общественного деятеля Ивана Христофоровича Зелилова.

И. Х. Зелилов дал интервью ведущему рубрики «Греческий Сухумский вестник» Георгиосу Григориадису.

ПРОДОЛЖЕНИЕ:

Ваше участие в греческом движении в советское время

До 1988 года, когда началось официальное греческое общественное движение, я помогал грекам по мере необходимости частным образом или занимался их проблемами в профессиональном плане, по долгу службы. Пример: поздний вечер, звонок в дверь. Открываю. Стоит молодой парень и мнется. Я его приглашаю войти и спрашиваю, кто он и чем конкретно я могу ему помочь. Отвечает, что он грек, и называет имя и фамилию – Костя Чолер. Работает в закусочной. Рассказал, что была проверка от комитета народного контроля Абхазии (очень серьезной организации в то время), где выявили нарушения и стали составлять акт проверки. Он пытался их уговорить, предлагал какие-то деньги, но безрезультатно. И тогда решил использовать последний шанс. Он им сказал, что ему будет очень стыдно перед своим родственником и назвал мою фамилию. Проверяющий тут же собрал свои бумаги, попрощался и ушел. И вот этот парень пришел ко мне с просьбой подтвердить наше родство. На второй день у меня в кабинете раздался телефонный звонок, и работник комитета народного контроля начинает извиняться передо мной за то, что не знал, что в этой закусочной работает мой родственник, и он случайно туда попал. Пришлось его успокаивать и говорить, что ничего страшного не случилось. А с Костей мы после этого случая подружились.

Другой случай. Поступает жалоба в обком партии, и т.к. подписана греческой фамилией, то попадает ко мне на стол с резолюцией первого секретаря «Разобраться и доложить». Пишет работница Сухумского холодильника, по имени Софья, проработавшая в одной должности более 15 лет и находящаяся в очереди на получение квартиры

под № 1. Сейчас получены три квартиры, но распределены по решению и по хотению директора холодильника так, что она осталась без квартиры. Я звоню директору холодильника и прошу прислать мне списки очередности, и получателей данных квартир, а также прошу не забыть включить туда фамилию Софьи. Директор мне заявляет: - «Христофорович, пока я ношу штаны, она квартиру не получит». Я ответил: «Сергей Зототинский, ты потеряешь и свои штаны и партбилет, если она не получит квартиру». На второй день, поздно вечером, звонок в дверь моей квартиры. Открываю, стоит Софья. Спрашиваю, что случилось? Оказывается, ей выписали ордер на квартиру, которую она ждала столько лет, и она пришла меня поблагодарить. Она оказалась женой моего давнего приятеля, с которым мы вместе занимались спортом, но стеснялась об этом сказать, чтобы не подвести меня. А вдруг бы у меня ничего не получилось. Не знаю, как они распорядились этой квартирой, т.к. в скором времени выехали на постоянное место жительства в Грецию, и сейчас живут в селе Пенталофо, недалеко от Салоник.

Я принимал участие во всех всеобщих мероприятиях, связанных с греческой тематикой, и когда в 1988 году начали повсеместно создаваться греческие общества, то мы одни из первых в Союзе создали в Сухуми ГКЦ (греческий культурный центр) Абхазии, где я был избран первым заместителем председателя. Затем, при моем участии, были созданы общества греков городов Сухуми и Гагры.

После закрытия всех партийных органов, в том числе и обкома партии, я полностью переключился на работу в ГКЦ Абхазии. Председателем Центра был избран Анастасиadi Евстафий Георгиевич, председатель колхоза, объединяющего три села. Поэтому у него не имелось достаточного времени для занятия и общественной работой. Даже на заседания Национального Совета Всесоюзного объединения «Понто», членом которого был от Абхазии Евстафий Георгиевич, ездил я. Правда, во время моего третьего приезда, председатель этого Совета Саввиди Михаил Кузьмич предложил ввести и меня в состав Совета, чтобы я официально имел право голоса, и Совет проголосовал единогласно. Я единственный из 32 человек членов Совета не был председателем общества.

В ГКЦ мы официально занимались проблемами греков, и одной из серьезных проблем было получение в Москве туристической визы для выезда в Грецию. После согласования с греческим Консульством, мы занялись оформлением этих виз. То есть желающие выехать в Грецию приходили к нам, сдавали необходимые документы, оплачивали расходы, которые были в 5-6 раз меньше, чем, если бы они оформляли визу сами. Полученная прибыль перечислялась в банк на счет строящейся Церкви святых Константи-

на и Елены в селе Одиши (Акапа). Данная Церковь была разрушена в 30-тых годах XX-го века, и наш председатель Анастасиadi предложил ее восстановить, выписав для этой цели из России архитектора-специалиста. Строила церковь бригада строителей-грузин из этого же села. К началу войны строительство церкви было, в общем, закончено, кроме внутренней отделки. Даже успели установить 5 бронзовых колоколов. Сегодня в этой церкви проводятся службы.

В 1989 году я был избран представителем Абхазии в Комиссии ЦК КП Грузии по работе с греческим населением. В 1991 году прошли выборы в Верховный Совет Абхазии. Наши абхазские друзья предложили мне баллотироваться в одном из избирательных Округов в центре города и гарантировали мое избрание. Евстафий Георгиевич, почему - то оказался категорически против моего выдвижения в этом Округе, и в итоге, я отказался от предложения. На это место согласился баллотироваться Альфред Какуев, представитель армянской диаспоры, который и был триумфально избран в первое же воскресенье. Из-за того, что в Парламенте Абхазии не оказалось представителей греков, возникла проблема. В то время были национальные квоты на все серьезные должности, а в Верховном Совете Абхазии не оказалось представителей греческой общины. Меня пригласил Владислав Григорьевич Ардзинба, с которым мы неоднократно пересекались в обкоме партии, и предложил представить кандидатуру грека, который мог бы представлять греческую общину в Верховном Совете. На заседании Президиума ГКЦ Абхазии было принято единогласное решение об утверждении меня на это место. На следующем заседании Парламента меня утвердили постоянным представителем греческой общины при Верховном Совете Абхазии с правом выступления на заседаниях, но без права голосования. Правда, поступила реплика от представителя грузинской оппозиции Нагарниной, что я представляю только часть греков Абхазии, а имеется еще и греческая оппозиция. На это Ардзинба заявил, что кандидатура Зелилова утверждена, а если есть кандидатура от оппозиции, то Верховный Совет ее тоже утвердит. Оппозиция, в лице Ивана Кардашиди и Ставро (Сократа) Стилиди, так и не представила свою кандидатуру. А возможно, им и не сообщили об этом.

В следующем 1992 году меня включили в состав Конституционной комиссии Республики Абхазия.

Хочу отметить, что после закрытия партийных органов, несмотря на всеобщую моду публичного сжигания партбилетов, я не вышел из рядов КПСС, и мой партийный билет хранится у меня дома, так же, как и комсомольский билет.

Большим своим плюсом считаю привлечение к греческому общественному движению нашего поэта, замечательного человека Николая Георгиевича Патулиди. Он работал в ГКЦ ответственным секретарем и заместителем председателя по культуре, а в дальнейшем, уже после войны, возглавил греческую общину, стал орденоносцем, был избран депутатом Парламента, и назначен заместителем Министра культуры Абхазии.

На Первой всесоюзной конференции греков. Москва, 1989 г.

Конференция Национального Совета Всесоюзного Объединения греков.

ГРЕЧЕСКИЙ СУХУМСКИЙ ВЪСТНИКЪ

150

Ведущий рубрики:

Георгиос Григориадисисследователь-сухумовед,
e-mail: elsuhum@yahoo.com**Спонсор проекта:**

Туристическая компания RELBIS TRAVEL

Туры и авиабилеты по всему миру,
экскурсии и отели по Греции

тел.: +30 210-32-10-322, моб.+30 698-21-271-58

Переезд в Грецию и ваша деятельность в понтийском движении здесь

14 августа 1992 года началась война в Абхазии, а 18 августа я отправил жену и дочку с друзьями в Сочи, от греха подальше, а сам с матерью остался дома. Мне почему-то казалось, что эта стычка временная, как и предыдущая в 1989 году, быстро пойдет на спад, и в итоге победит здравый смысл. 25 августа вечером я случайно встретил своего соседа, давнего приятеля Нодара Лакербая, который очень удивился, увидев меня в городе. Оказывается, он просил моих родственников передать мне, чтобы я срочно уехал из Абхазии, т.к. меня включили в списки на арест и возможную ликвидацию. Скорее всего, он спас мне жизнь. Забегая вперед, скажу, что сам он погиб при взятии города абхазскими войсками в сентябре 1993 года в Эшерах. В тот же вечер, я услышал по местному телевидению, что в Абхазии будет создано коалиционное правительство с участием грузин, абхазов, русских, армян и греков. Тогда я и утвердился во мнении, что мне действительно нужно срочно уехать.

В то время в Сухуми не было никого из наших греческих серьезных лидеров, и предложение о работе в правительстве сделали бы мне. Если бы я от него отказался, то поставили бы к стенке сразу, т.к. предпосылки для этого уже были. Если бы я согласился, то меня поставили бы к стенке когда-нибудь вернувшись в Сухуми абхазы. Единственный выход – срочно уехать. Нодар меня предупредил, что самолетом вылетать нельзя, теплоходом на Сочи тоже нельзя. При выезде потребуются паспорт, поэтому меня сразу могут арестовать, и хотя приказа пока нет, но списки на арест уже выданы всем. Он также предупредил, чтобы я не брал с собой никаких вещей. Оставался только морской путь на Поти и Батуми, чем я и воспользовался, а затем из Батуми на катере, с некоторыми приключениями, я попал в Сочи. Со мной из Сухуми выехали моя мать и теща, Виктория Георгиевна. Тесть наотрез отказался оставить свой дом, а мой отец за год до этих событий, в возрасте 87 лет, уже покинул наш мир.

У меня была еще одна причина затягивать свой отъезд из зоны боевых действий. Я уже говорил, что мы занимались оформлением туристических виз для выезда в Грецию. Дело в том, что буквально в первые дни войны наш курьер Ваня Семелиди, который занимался оформлением виз в Московском консульстве, вернулся из Москвы в Сочи, а оттуда каким-то чудом попал в Сухуми с готовыми паспортами (около 45 штук) и передал их мне. В то время граница разделения грузинских и абхазских войск проходила по реке Гумиста. Я вывесил объявление с указанием своего домашнего адреса и № телефона на двери офиса нашего общества, но за паспортами пришли только три человека. У меня были адреса владельцев, и я стал развозить эти паспорта по их домам, т.к. понимал, что в такое тяжелое время людей нельзя оставлять без документов. Я брал с собой мать, пожилую женщину, мы садились в мою машину и ездили по адресам по городу Сухуми и селам Сухумского района. В то время грузинские гвардейцы часто останавливали машины, высаживали водителя и пассажиров, забирали личный транспорт. У матери было платье с большими карманами,

куда я положил имеющееся у меня в то время оружие. Машину мне было не жалко, а вот на случай, если бы начали издеваться над нами, я бы смог соответственно отреагировать. За несколько дней я успел раздать только 25 паспортов.

Рано утром 26 августа по дороге в морской порт я зашел к своему дяде Тирикиди Филиппу Николаевичу, одному из активистов греческой общины, и оставил ему оставшиеся примерно 20 паспортов с греческими визами для передачи Николаю Патулиди. А для Патулиди я написал записку с просьбой раздать, при возможности, эти паспорта их владельцам и заменить объявление на дверях нашего офиса.

Моя мать осталась в Батуми, откуда позже вылетела в Москву к моим старшим братьям (только через четыре года она смогла переехать к нам в Грецию), а Виктория Георгиевна осталась в Сочи и оттуда вернулась в пос. Гантиади, где проживала ее средняя дочь Хрисула. Из Сочи мы с семьей на автобусе выехали в Салоники, и 1 сентября 1992 года пересекли греческую границу. Здесь можно сделать небольшое отступление и рассказать о наших дорожных приключениях.

Прибыв в морской город Батуми, мы остановились у моего двоюродного брата, Кутитова Кузьмы в его большом доме. Рано утром мы с Викторией Георгиевной отправились в морской порт для отплытия в 8 утра в Сочи на скоростном теплоходе на подводных крыльях. Как оказалось, билетов в продаже уже не было. Мне ничего не оставалось, как договориться с матросом на трапе на теплоход, которому я передал авансом 5 тысяч рублей. Он должен был позвать нас перед самым отплытием. Примерно через полчаса теплоход, а точнее катер на подводных крыльях, начал отходить от пирса. Когда мы с Викторией Георгиевной подошли поближе, то оказалось, что трап уже убран, а перепрыгнуть расстояние в один метр моя теща, конечно же, не могла. Соответственно, и я не мог ее оставить и отплыть в Сочи один. Я обматерил нерадивого матроса,

Две мамы - Виктория Георгиевна и Ирина Ильинична

и мы вернулись в помещение порта, где я пошел за билетами в кассу. Как оказалось, выезд из Грузии закрыт всем мужчинам до 45 лет в связи с войной в Абхазии, а мне было на тот момент только 42 года. Я взял один билет для тещи на небольшой прогулочный катер на 12 часов дня и, проводив ее на катер, вернулся на причал. После отплытия катера от причала, когда расстояние достигло примерно 2-х метров, я перепрыгнул на борт катера. Катер отошел от берега метров на 200 и вдруг развернулся и остановился. Конечно, я перепугался. Мне подумалось, что с берега увидели как я прыгаю на борт, поэтому остановили катер, чтобы меня высадить. Я поднялся в рубку к капитану, представился и попросил объяснить, чем вызвана наша остановка. Услышанная новость повергла меня в шок. Оказывается катер на подводных крыльях, на который мы по счастливой случайности не попали, подвергся воздушному налету ракетами с самолета вблизи мыса Пицунда. Имеются убитые и раненые, поэтому мы стоим на рейде и отплывем только после 18.00 с тем, чтобы Пицунду пройти в темноте. Я представил себе, что сейчас делается в Сочи среди встречающих этот катер, в том числе и с моей женой. В Сочи мы прибыли глубокой ночью, и нас, конечно, никто не встречал. Моя жена, услышав новость о трагедии с катером, с нашим родственником Димой Алхазовым объехала на такси все больницы большого Сочи, выясняя нашу с тещей судьбу. Вот таким образом, благодаря безответственности этого матроса, а возможно и самой судьбе, мы с Викторией Георгиевной избежали возможного увечья или гибели.

Хочу отметить, что мой отъезд был истолкован членами греческой общины по-разному. Некоторые понимали, что включение меня в списки на арест грузинскими националистами смертельно опасно, и мой отъезд является единственно возможным для меня выходом. Но, к сожалению, нашлись и другие люди, которые заочно стали распускать слухи о том, что я якобы бросил греческую общину, снял все деньги с банковского счета ГКЦ и трусливо бежал в Грецию. Когда до меня, уже в Греции, дошли эти слухи, я объяснил, что мой отъезд был связан с моей безопасностью и безопасностью моей семьи, что не их, а меня включили в эти самые списки на арест, а доступа к банковскому счету я не имел никакого и никогда. Им мог распоряжаться только наш председатель Анастасиади Е.Г. Позже я узнал, что эти слухи распускала секретарь греческого общества г. Сухуми Ксения, внутреннюю гнильцу которой, к сожалению, я своевременно не рассмотрел. Здесь необходимо отметить, что мы к этой женщине всегда относились очень хорошо. Если она задерживалась на каком-нибудь мероприятии в обществе допоздна, мы с женой обязательно отвозили ее домой на другой конец города, в Ачадары, ждали, когда у нее дома, на горе загорится свет. И только после этого уезжали. Встретив ее однажды случайно в Афинах, я высказал ей все, чего она заслуживает в присутствии свидетелей и посоветовал никогда больше не попадаться мне на глаза. Здесь можно отметить и то, что часть денег с нашего банковского счета была снята в самом конце войны по решению Президиума ГКЦ на нужды членов греческой общины.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ